

ГЕРМИОНА: ЦЕПЬ ДЛЯ ДЕВЯТИ

ИНОГДА, ЧТОБЫ СПАСТИ СВЕТ, НУЖНО СТАТЬ ТЬМОЙ.

SkyFox SkyFox

Гермиона: цепь для Девяти

<https://litres.ru/74655352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда битва за Хогвартс оборачивается вторжением из другого мира, маги, маглы и даже пожиратели смерти вынуждены объединиться перед лицом общего врага. Гарри, Рон и Гермиона оказываются в центре войны, где старые правила больше не работают. Гермиона Грейнджер, примерная ученица и борец за справедливость, становится тем, кто готов использовать любые методы — даже те, что считались недопустимыми. Свет и тьма, друзья и враги, верность и предательство - все, что было простым и понятным, смешивается, и даже меняется местами.

Жёсткая военная драма с элементами тёмного фэнтези, где мораль сталкивается с необходимостью, а верность проходит настоящую проверку.

Содержание

Глава 1. Союз Стали и Чар	4
Глава 2. Темные защитники	40
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Гермиона: цепь для Девяти

Глава 1. Союз Стали и Чар

1.

В воздухе над Большим двором Хогвартса, пропитанном ядовитой гарью и сладковатым запахом горелой плоти, внезапно раскрылся гигантский разлом. Казалось, что самому небу нанесена кровоточащая рана. Чернота в ее центре не отражала ни единого луча света, а по краям пылало ослепительное фиолетовое пламя. Казалось, что сам эфир вспыхнул, не в силах сдержать рвущуюся из пустоты энергию.

А затем из черной глазницы хлынуло. Это была не армия и не стройные ряды — из бездны вырвался сорвавшийся с цепи сель из грязи, раскаленного железа и дикой, ничем не сдерживаемой ярости. Твари заполнили двор в считанные секунды, высекая искры из вековых плит Хогвартса зазубренными тесачами и тяжелыми топорами. Искажённые злобой морды, обрубки ушей, желтые оскаленные клыки под тяжелыми шлемами... Огромные, закованные в неотесанную броню великаны подминали под себя всё живое. Им было неважно, кого втоптывать в кровавое месиво и каменное крошево — защитников замка в разорванных мантиях или Пожирателя

телей смерти в серебряных масках. В их вое не слышалось ни лозунгов, ни верности флагу, лишь ненасытная, неудержимая жажда разрушения.

Беллатриса Лестрейндж застыла на холме, откуда, как на ладони, открывался вид на весь двор. Волшебная палочка, уже занесенная для смертельного заклятья в ее тонкой руке, замерла без движения. Темные, обычно пылающие безумием глаза расширились, вбирая в себя отсветы сияющего багровым светом портала. Она не мигая смотрела, как одно из безымянных чудовищ с глухим хрустом разможило щитом череп бросившемуся на него оборотню, а затем, заходясь в визгливом, лающем реве, обрушило свой кривой клинок на горло упавшего аврора. Грудь Беллатрисы вздымалась под корсетом, а ее дыхание участилось. Такие губы словно зажили своей жизнью: они дрогнули и медленно растянулись в жуткой, почти религиозной улыбке.

— Какая... какая первозданная, чистая жестокость! прошептала она, и в ее сухом, надломленном голосе зазвенел чистый экстаз. — Она чуть подалась вперед, едва не касаясь носками туфель обрыва. — Мой Лорд... Вы видите? Они не знают пощады. Ни капли, ни грамма.

Люциус Малфой рядом с ней судорожно хватал ртом воздух, словно утопающий, только что вынырнувший из воды. Его лицо в отсветах магического огня казалось не просто бледным, а матово-серым, похожим на сухую штукатурку. Пальцы мертвой хваткой сжимали рукоять палочки в виде

змеиной головы, и дрожали с такой силой, что ее тонкий наконечник вычерчивал в дыму беспорядочные зигзаги.

Люциус сделал шаг назад и едва не потерял равновесие, запутавшись ногами в чьей-то окровавленной порванной мантии. Его взгляд беспорядочно метался от ревущей массы тварей в стальных доспехах к безмолвной фигуре Темного Лорда. На бледном лице аристократа не осталось и следа от прежнего высокомерия.

— Они... они же просто сомнут нас, — выдохнул он. Заплетающийся язык с трудом повиновался ему, а голос, обычно бархатный и надменный, теперь дрожал и срывался на высокий фальцет. — Мой Лорд, это не маги... Это даже не маглы! Заклятия их не удержат, их слишком много, это же полное безумие! Нужно уходить... уходить прямо сейчас, иначе мы погибнем! Нам всем конец!

Волан-де-Морт даже не повел головой на его панический шепот.. Его бледное змеиное лицо оставалось мертвой, неподвижной маской, высеченной из белого камня. Лишь алые глаза сузились, превратившись в две тонкие, леденящие щели, когда он окинул взглядом ревущую, беснующуюся орду, существование которой не подчинялось ни одному из известных ему законов магии. Его тонкая длинная рука, держащая Бужинную палочку, застыла, точно каменная изваяние. Ни тени страха не отразилось на его лице — только застывший, ядовитый гнев правителя, на чей порог без спроса ступила чужая, неконтролируемая сила.

— Молчать, Люциус, — ледяной, тихий шепот Темного Лорда мгновенно перерезал истеричную речь Малфоя, точно острое лезвие. — Твоя трусость утомляет меня куда сильнее, чем эти твари.

Волан-де-Морт плавно, без единого лишнего движения поднял палочку над головой. Его голос, усиленный магией, разнесся над гибнущими дворами Хогвартса, глуша даже вой неведомых монстров:

— Пожиратели смерти! Назад! Отступить к опушке Запретного леса! Держать дистанцию и в прямой бой не вступать!

Он медленно повернулся к Беллатрисе. Ноздри его узкого носа хищно раздулись, поймав запах чужой, дикой крови.

— Нам нужно сначала понять, что это за магия, и из какой дыры выползли эти твари, — произнес он с холодной угрозой. — Живыми они мне не нужны. Но я заполучу их секреты. А пока отступаем.

На полуразрушенной балюстраде верхнего яруса Гарри Поттер изо всех сил вцепился в растрескавшиеся каменные перила. Его измочаленная, покрытая грязью футболка липла к спине от холодного пота. Сердце в груди билось с такой силой, что отдавало в висках. Он с ужасом смотрел, как черная волна Пожирателей смерти стремительно откатывалась прочь, оставляя древний замок на растерзание чудовищам, которые стремительно заполняли каждый метр двора.

— Гарри... что это?.. Что это, мать его, такое?! — Рон

впился пальцами в его плечо, сжимая ткань до треска. Лицо Рона было белее мела, а нижняя челюсть мелко подрагивала. — Это не люди... и даже не великаны! Ты... ты видел их мечи?!

Гарри не мог вымолвить ни слова. Его горло свело судорогой, а в груди появилось чувство ледящего ужаса, и глубокой тревоги. Отступление Волан-де-Морта давало им отсрочку. Она была недолгой, в один глоток воздуха, однако спасала их всех от мгновенной гибели. Но вид этой новой, никогда не виданной силы, которая так легко крушила старинные каменные изваяния замка, словно это были сухие ветки, внушал ему первобытный ужас.

— Я не знаю, Рон... — едва слышно прошептал Гарри, с трудом проталкивая слова через пересохшее горло. — Но если даже Волан-де-Морт решил уйти... Нам конец. Мы пропали, если они прорвутся внутрь.

Снизу, из самого эпицентра кровавого хаоса, перекрывая грохот и крики, раздался громкий уверенный голос профессора Макгонагалл. Ее строгая мантия была сплошь покрыта серой каменной пылью, шляпа сбилась набок, обожженная с одного края, но в глазах за очками в тонкой оправе горел отчаянный, яростный огонь. Взмахнув палочкой с поистине девичьей быстротой, она воздвигла перед рвущимися к проходу тварями сияющую серебристую стену. Щит тут же содрогнулся, пошел трещинами под ударами тяжелых топоров. — *Протего Максима! Фианто Дури!* — выкрикнула она.

Ее лицо натянулось от колоссального, запредельного напряжения.

Она на мгновение обернулась к застывшим от ужаса студентам и выжившим учителям. Лицо профессора казалось высеченным из того же сурового гранита, что и стены Хогвартса.

— Назад! Все в замок! В Большой зал, немедленно! — ее голос не оставлял места для сомнений или страха. — Забаррикадировать все проходы! Живее, у нас нет времени! Удвоить щиты, задействуйте всё, что осталось! Защищайте школу!

2.

Внутри штабного шатра, воздвигнутого магией в самой непроглядной чаще Запретного леса, царил тяжелый, густой полумрак, колыхавшийся в такт рваному дыханию его обитателей. Магическое пламя, бесшумно бьющее из бронзовых чаш по углам, отливало ядовитой зеленью, выхватывая из темноты бледные, изможденные лица и отбрасывая на шелковые стены длинные, пляшущие тени. Снаружи, за плотной тканью заклятых полов, глухо рокотала дубрава. Лес содрогался от далеких, совершенно чуждых этому миру диких криков и металлического лязга — там, у подножия Хогвартса, вырвавшаяся из портала орда продолжала с упоением рвать на части всё живое.

Беллатриса Лестрейндж яростно мерила шатер стреми-

тельными шагами, и больше всего напоминала запертого в клетке хищника. Подол ее мантии был разорван на плече, черные волосы потоками падали на лицо, а глаза лихорадочно блестели в свете факелов. Ее пальцы безудержно теребили палочку. Волшебница то и дело вскидывала её, точно готовая прямо сейчас прожечь шелк залятых стен и броситься обратно в кровавую кутерьму.

— Мы теряем время! Мой Лорд! — ее голос сорвался на иступленный, почти птичий клекот. Внезапно застыв, она резким движением обернулась к возвышению в глубине шатра, где в тени восседал Волан-де-Морт. — Замок обескровлен! Эти... эти дикие твари, кем бы они ни были, давят школьников и крыс из Ордена Феникса! Защитные чары Хогвартса трещат и рушатся! Если мы ударим сейчас, прямо им в спину, мы вырежем и тех, и других! Одна решительная атака, мой Лорд, всего один удар — и весь мир падет к вашим ногам!

— Ты безумна, Белла... Ты просто безумна! — Люциус Малфой резко подался вперед, с силой опираясь ладонями о край длинного дубового стола, чтобы скрыть дрожь в коленях.

Его некогда безупречные серебряные волосы спутались, прилипнув к мокрому от пота лбу, а обычно аристократически надменные черты лица заострились от непереносимого, гнетущего напряжения. В покрытых сеткой лопнувших капилляров глазах читалось нечто гораздо большее, чем

обычный страх напуганного человека. Это был безграничный ужас глядящего прямо в бездну.

— Ты видела их клинки? Видела их броню? — Люциус заговорил быстрее, его голос вибрировал от сдерживаемой, рвущейся наружу паники. — На них следы черной магии, о которой мы не имеем ни малейшего представления! Да, наши заклятия их убивают, но их тысячи! Сплошной поток! Нам необходимо понять, откуда выплеснулась эта саранча и чего они ждут! Мы не знаем даже приблизительной их численности! Идти на них с палочками прямо сейчас — это не храбрость, это верное самоубийство!

Беллатриса с искаженным в презрительной гримасе лицом развернулась на каблуках. С ядовитой усмешкой она в три стремительных шага подошла к Малфою. Дрожащим от ярости и возмущения голосом она выплюнула прямо в его бледное лицо, слегка брызжа слюной:

— Трусость! Обычная, смердящая, жалкой кровью отдающая малфоевская трусость! Ты дрожишь за свою никчемную шкуру, Люциус! Твой щенячий сын скулит по углам, жена прячется в подвале, и ты сам готов забиться в глубокую нору, поджав хвост, перед кучкой дикарей с топорами?! Осторожность?.. Это слово придумано для немощных стариков! А мой Лорд не ведает страха!

— Это не трусость, это элементарный разум! — Люциус отшатнулся от нее, словно от прокаженной, но его голос сорвался на фальшивый крик, а пальцы с такой силой впились

в полированный край стола, что ногти окончательно побелели. — Если мы сгорим в этой бессмысленной бойне, некому будет править! Некому будет пожинать плоды! У этой армии обязана быть голова, Белла! Должен быть тот, кто держит нити!

— Довольно.

Слово упало подобно тяжелому лезвию гильотины. Мягкий, шипящий, едва превышающий шепот звук мгновенно выморозил весь воздух в шатре. Беллатриса осеклась на полуслове, ее рот так и остался полуоткрытым, а Люциус вжал голову в плечи, затаив дыхание и боясь даже сглотнуть подступивший ком.

Волан-де-Морт медленно оторвался от высокого кресла. Его высокая, костлявая фигура в развевающейся черной мантии казалась не плотью, а сгустком самой ночной тени. Алые глаза-щели медленно, неспешно переместились с тяжело дышащей Беллатрисы на обмякшего, бледного Люциуса. Темный Лорд плавно, едва заметно перебирал своими тонкими пальцами с длинными ногтями Бужинную палочку, и этот монотонный, гипнотический жест внушал больше ужаса, чем любой яростный крик.

— Вы утомляете меня своими визгами, — ледяной тон Волан-де-Морта заставил обоих Пожирателей ничком опустить взгляды в ковер. — Беллатриса... Твоя жажда крови восхитительна, но абсолютно слепа. Бросаться в темноту, не зная, какой зверь там затаился — глупость, недостойная мо-

их слуг.

Он сделал медленный шаг вперед. Нагайна, до этого свернувшись кольцом, дремавшая у подножия его импровизированного трона, бесшумно заскользила по ткани, приподняв плоскую треугольную голову и пробуя пропитанный магией воздух раздвоенным языком.

— Но Люциус... — взгляд алых глаз вонзился в Малфоя с ощутимой физической тяжестью, заставляя того мгновенно покрыться липкой испариной, — на удивление, ты демонстрируешь редкие зачатки разума. Хотя я и не исключаю, что за ними скрывается твоя обычная, смердящая трусость.

Он подошел к переднему краю шатра и длинным пальцем чуть отодвинул тяжелый плотный полог. Далеко внизу, у самого подножия холма, огромный, закованный в железо тролль с глухим, чавкающим звуком вбивал в искромсанную землю одного из великанов, пришедших на помощь Пожирателям.

— Посмотри, Белла, — Волан-де-Морт указал костлявым пальцем в сторону дымящегося побоища. — Мои великаны гибнут под их бешеным натиском. Мои акромантулы бегут в глубь чащи, бросая гнезда. Нападать сейчас — значит тратить жизни чистокровных волшебников на расчистку дороги для этих неотесанных варваров.

— Но Поттер... — пролепетала было Беллатриса, но тут же осеклась, встретившись с его холодным, парализующим взглядом.

— Поттер никуда не денется, — сухо, без тени сомнения отрезал Темный Лорд. — Замок окружен. Хогвартс стал для мальчишки красивой каменной клеткой. Мы не станем нападать вслепую, но мы не станем и бежать, — отчеканил он, и в его сухом голосе отчетливо прорезались стальные, повелительные ноты. — Мне нужны ответы. Из какого именно склепа выползла эта дрянь? Кому они служат? Какую магию несут в своих жилах?

Он резко развернулся к Беллатрисе. На его бескровных, тонких губах змеилась жуткая, лишенная всякого тепла улыбка.

— Возьми Сивого и лучших егерей. Мне не нужен их лагерь, мне не нужна полная победа в этой каше. Мне нужен один из этих монстров. Живым. Приведи его сюда, Белла. Мы вскрыем его разум, а если понадобится — по кусочкам сдерем с него кожу, но я узнаю имя их господина. А ты, Люциус, возьми остальных и сжигайте любого, кто дерзнет приблизиться к нашему лагерю. Выполняйте.

3.

Ночной воздух на самой окраине Запретного леса был пропитан густым запахом прелой листвы, сырой земли и свежей, ни на что не похожей крови. Между вековыми, покрытыми мхом стволами, ломая сухостой тяжелыми коваными сапогами, с трудом пробирался отряд сгорбленных кривоногих существ. Их длинные руки едва не касались земли, а из-

под вздернутых губ выпирали желтые клыки. Во главе шел высокий воин с кожей цвета горького шоколада, облаченный в багровые шелка и чешуйчатый панцирь. На его широких запястьях поблескивали массивные медные наручи, испещренные витиеватыми змеиными узорами.

Густые ветви над их головами бесшумно распахнулись. Из непроглядной тени, обнажив желтые оскаленные зубы, выскочил Фенрир Сивый. Его глаза горели диким, безумным огнем.

— Остолбеней! — хрипло зарычал оборотень, наотмашь вскидывая палочку.

Яркий багровый луч рассек ночной полумрак, устремляясь точно в грудь темнокожему вожаку. Тот среагировал с неуловимой, практически звериной грацией: мгновенно вскинул левую руку, подставляя под заклятие широкий медный наруч. Магический сгусток с шипением ударился о металл и рассыпался веером искр, даже не пошатнув воина. Тот занес руку над рукоятью кривого ятагана, но завершить движение не успел.

— Круцио! — из засады разорвал тишину леса визгливый, торжествующий крик Беллатрисы Лестрейндж.

Непростительное заклятие ударило воина прямо в спину. Вожак надломился и рухнул на колени, его тело мгновенно свело страшной, выламывающей суставы судорогой. Ятаган со звоном вывалился из онемевших пальцев, высекая искру из камня. Обладая железной волей, он попытался поднять-

ся, но Беллатриса, уже выскочившая на поляну, с хищным оскалом взмахнула палочкой еще раз:

— Ступефай!

Алый сполох ослепил лес, и вожак тяжелым мешком повалился на мох, потеряв сознание.

— Взять его! Живее, псы! — скомандовала Беллатриса.

Но клыкастые спутники поверженного командира уже бросились в атаку. Они не ведали магии, но их ярость была беспредельной. Чудовища хлынули на Пожирателей смерти, размахивая тяжелыми тесаками и издавая утробный, хриплый рев. Один из егерей не успел вовремя вскинуть палочку — уродливый монстр со свистом опустил зазубренный топор ему на плечо. Раздался сухой хруст ломающихся костей, и маг с истошным криком повалился в траву, заливая кровью корни деревьев.

— Твари! Поганные твари! — зарычал Сивый, впиваясь зубами в горло навалившегося на него существа, пока остальные Пожиратели без разбора сыпали заклинаниями.

— Авада Кедавра! Инсендио! Диффиндо!

Зеленые и огненные вспышки озаряли вековые дубы. Клыкастые твари гибли одна за другой, падая с разорванными грудными клетками и обожженными мордами, но ни одна из них не повернула назад. Через несколько минут всё было кончено. Окраина леса превратилась в кладбище для десятка безымянных монстров. На земле, прижимая ладонь к разорванному боку и захлебываясь собственным криком,

был тяжелораненый Пожиратель. Беллатриса даже не взглянула на него — ее безумный взор был прикован к связанному пленнику.

— В лагерь! — тяжело дыша, бросила она Сивому, который вытирал окровавленный рот тыльной стороны ладони. — Мой Лорд ждет.

В зеленоватом полумраке шатра пленный вожак уже пришел в себя. Его намертво привязали магическими путами к тяжелому деревянному стулу. Несмотря на побои и путы, он смотрел на стоящего перед ним Волан-де-Морта с непримиримой, глухой ненавистью.

Темный Лорд медленно приблизился, шурша черной мантией по ковру. Тонкая палочка коснулась подбородка пленника, приподнимая его голову.

— Кто твой господин, червь? — тихо, почти ласково спросил Волан-де-Морт. — Откуда вы пришли?

Воин лишь молча сплюнул густую кровь под ноги Темному Лорду.

Беллатриса, стоявшая за спиной пленника, задрожала от ярости, но Волан-де-Морт лишь слегка повел бровью.

— Круцио.

Крик, который издал вожак, едва ли походил на человеческий. Сухожилия на его шее натянулись, точно гитарные струны, кожа потемнела от прилившей крови, а из пор выступил обильный пот. Он забился в магических путах с такой силой, что даже дубовый стул затрещал под истязаемым

телом. Волан-де-Морт держал заклятие долго. Он с холодным спокойствием отсчитывал секунды, а затем вдруг резко опустил руку с палочкой. Пленник обессиленно обмяк на веревках, хрипя и ловя ртом воздух.

— Говори, — повторил Темный Лорд пугающим шепотом и вновь навел палочку на пленника, готовясь вновь произнести заклятие.

— Саурон... — прохрипел вожак, преодолевая сопротивление и сплевывая кровавую пену с прокушенной губы. В его темных глазах все еще горел дикий огонь, полностью потушить который не смогло даже Непростительное заклятие. — Наш владыка... Саурон... Великое Око...

— Кто он такой? — Темный Лорд сделал шаг вперед, его палочка уперлась пленнику точно в переносицу. — Зачем он прислал вас?

Пленник плотно сжал челюсти. В его взгляде, несмотря на пережитую муку, вспыхнула фанатичная гордость. Он замолчал, упрямо глядя прямо перед собой.

— Твое тело хрупко, а язык ленив, — сухо произнес Волан-де-Морт. — Но твой разум принадлежит мне. Легилименс!

Алые глаза Темного Лорда расширились, и он без предупреждения ворвался в сознание чужака. Перед его мысленным взором разверзся сущий ад. Он увидел бескрайние выжженные равнины, затянутые черным дымом, исполинские башни из черного камня и изрыгающее лаву жерло огромной

огнедышащей горы. Но главное — он ощутил чужую, древнюю и монументальную волю. Это была не просто человеческая магия. В сознании пленника Саурон представлял как первобытная, нечеловеческая сила, темное божество, веками собиравшее под свои знамена легионы чудовищ ради одной цели — полного, абсолютного порабощения всего живого. Эта воля не искала компромиссов, она не знала страха и не собиралась делиться властью. Портал возник помимо их замысла, но орды, хлынувшие оттуда, пришли завоевывать этот мир. Однако мысли пленника были хаотичны — никакой информации о тайном оружии или артефактах в его голове не было, лишь слепая преданность великому Оку.

Волан-де-Морт резко разорвал связь и сделал шаг назад. Его змеиное лицо на мгновение исказилось от напряжения — чужая воля оказалась слишком грубой, дикой и массивной. Пленник на стуле окончательно обмяк, его глаза закатились, и он затих — его разум был выжжен дотла.

Беллатриса и Люциус застыли на месте. Их напряженные глаза ловили каждое движение своего господина. Шатер погрузился в мертвую тишину, которую нарушал лишь отдаленный яростный рев вторгшейся орды.

— Мой Лорд? — слышался дрожащий голос Люциуса, который едва дышал от страха. — Что же вы увидели у него в голове?

— Угрозу, которую нельзя игнорировать, — отрезал Волан-де-Морт. Он обернулся к своим последователям. — Лю-

циус, твоя осторожность... на этот раз оказалась не лишена смысла. Битва за Хогвартс окончена. Пока что. Мы не будем воевать на два фронта, дожидаясь, пока этот «Саурон» раздавит нас своим числом.

— Но куда нам идти? — спросила Беллатриса, с ненавистью глядя на тело пленника.

— В поместье Малфоев, — скомандовал Лорд. — Мы укрепим его всеми известными чарами. Мне нужно время, чтобы обдумать увиденное и подготовить план. Если этот дух хочет властвовать над моим миром, ему придется сначала встретиться со мной. Но я не приму бой на его условиях.

Он плавно повернулся к Люциусу:

— Готовь Аппарацию. Мы уходим немедленно. Пусть гриффиндорские щенки и эти пришельцы грызут друг друга глотки под стенами школы. Мы подождем, пока пыль уляжется.

Черные вихри один за другим начали закручиваться в ночном лесу, унося Пожирателей смерти прочь от Хогвартса, в то время как первые осадные лестницы врага уже с грохотом ударились о древние стены школы.

4.

Изумрудное пламя в каминах Большого зала Хогвартса не гасло ни на мгновение, взрываясь гулками, яростными вспышками и выбрасывая в закопченный воздух снопы исходивших искрами углей. Минерва Макгонагалл стояла у са-

мого очага, похожая на древнее изваяние скорби и непреклонности, высеченное из серого замкового камня. Ее палочка непрерывно описывала в воздухе сложные, рубящие дуги, поддерживая тающий защитный барьер у дубовых ворот, за которыми раздавался душераздирающий скрежет железа о гранит и утробный, победный рев беснующейся орды. Каждый удар тяжелого тарана отзывался в ее теле судорожным вздрагиванием, но голос, сорванный до хрипоты, звучал громче гула:

— Быстрее! Не задерживайтесь! Бросайте вещи — только палочки! Студенты, по двое в камин! Младшие курсы — вперед!

Она видела, как мимо нее, шатаясь от усталости и глухого ужаса, проносятся дети. Девочка-третьекурсница плакала, размазывая по щекам черную гарь и запекшуюся кровь из рассеченного лба, а староста Когтеврана тащил на своих плечах потерявшего сознание товарища. Хогвартс, вековая цитадель безопасности, рушился под натиском врага, про которого не говорилось ни в одном известном учебнике по защите от темных искусств. Когда последняя группа студентов с криками исчезла в зеленом пламени, Макгонагалл тяжело опустила рукав. Палочка едва не выскочила из ее онемевших, покрытых пылью и царапинами пальцев. Взглянув на опустевший зал, усыпанный обломками потолочных лепнин и разбитой посудой, профессор шагнула в камин, унося с собой горькое, ранящее душу понимание, что ее школа па-

ла не перед Волан-де-Мортом, а перед врагом, у которого не было даже имени.

Атриум Министерства магии встретил беженцев звенящей, неестественной пустотой. Огромный зал с замершим фонтаном, еще несколько часов назад бывший оплотом Пожирателей смерти, теперь казался заброшенным склепом. На волне паники, когда вести о прорыве багрового портала и бегстве самого Темного Лорда достигли Лондона, его ставленники бежали, бросая посты и кабинеты. Страх перед неизвестной силой, хлынувшей из недр бездны, оказался сильнее верности господину.

Кингсли Бруствер стоял на ступенях полуразрушенного фонтана, прежде украшавшего собой Атриум. Его мощный, уверенный голос, усиленный заклятием Сонорус, гремел под плиточным сводом, с трудом перекрывая нарастающие крики и плач постоянно прибывающих беженцев. На широких плечах аврора висела разорванная мантия, а на его строгом лице застыла суровая решимость воина, внезапно оказавшегося на капитанском мостике тонущего корабля.

— Порядок! Соблюдайте порядок! — Кингсли поднял массивную ладонь, призывая к тишине метавшуюся толпу. — Министерство свободно от присутствия Пожирателей. Я временно принимаю на себя обязанности министра магии до полной стабилизации обстановки. Авроры — сформировать периметр безопасности вокруг каминных залов! Медики — в правое крыло, немедленно займитесь ранеными! Мы в без-

опасности, пока подземные уровни запечатаны!

В дальнем углу министерского архива, под тусклым светом парящей колдовской лампы, царил сущий разгром. Гермiona Грейнджер сидела прямо на пыльном полу, окруженная разорванными фолиантами, древними свитками и тяжелыми энциклопедиями. Ее руки дрожали так сильно, что страницы «Истории магии» и «Энциклопедии монстров раннего средневековья» с тихим треском рвались под пальцами. Она лихорадочно листала главу за главой, ее глаза бегали по строчкам, а на щеках горел нездоровый, лихорадочный румянец.

— Ничего... Ничего нет! — в ее голосе прорезались сорванные, истеричные ноты, она с силой захлопнула массивный том в кожаном переплете, подняв облако сухой пыли. — Это не поддается никакой классификации! Магические существа не носят выкованную в кузнях броню и не используют осадные орудия! У них нет признаков гоблинской работы, они не похожи на троллей — тролли глупы и не умеют держать строй! Это... это организованная армия! Но в нашей истории нет ни единого упоминания о подобном виде!

— Да какая к черту разница, как они называются в твоих книгах, Гермiona?! — Рон Уизли в ярости пнул тяжелую ножку дубового стола, едва не свалив стопку древних фолиантов на пол. Его лицо было бледным, покрытым пятнами копоты, а мантия промокла от пота и чужой, густой крови. — Ты видела, что они сделали с Хагридом? Они просто на-

валились гурьбой! Да, онидохнут от хорошего Редукто, их шкура горит от Инсендио, они уязвимы к магии! Но их тысячи! На место одного убитого из этой проклятой дыры вылезает десяток новых! Наша магия иссякнет раньше, чем у них закончатся солдаты!

— Рон, замолчи, пожалуйста, — Джинни Уизли сидела на перевернутом деревянном ящике, плотно обхватив себя руками за плечи. Ее всю мелкой дрожью била лихорадка, а взгляд был прикован к грязным носкам собственных ботинок. — Они не просто убивают. Они... они радуются этому. Сами-Знаете-Кто творил зло ради власти, ради идеи. А эти... существа... они просто хотят, чтобы всё горело. Я видела глаза одного из них перед тем, как папа оглушил его. Там нет разума. Там только голод и слепая ярость.

Гарри Поттер не участвовал в споре. Он стоял у узкого министерского окна, спиной к друзьям, и смотрел на блеклые, заколдованные облака, плывущие за фальшивым стеклом. Его пальцы судорожно сжимали волшебную палочку, а шрам на лбу невыносимо, тупо пульсировал — но это была не та боль, которую причинял Волан-де-Морт. Это была тяжелая ломота от ментального шока.

— Главное не это, — тихо произнес Гарри.

Его голос прозвучал так глухо, что друзья мгновенно замолкли и обернулись к нему. Гарри медленно повернул голову, и Рон ужаснулся тому, какими старыми и бесконечно уставшими выглядели глаза друга за разбитыми стеклами оч-

ков.

— Главное то, что Волан-де-Морт отступил. Он испугался. Или взял паузу.

— Это же хорошо, разве нет? — с надеждой в голосе спросил Рон, делая осторожный шаг к нему. — Пожиратели смерти бежали, мы получили передышку! Министерство под нашим контролем!

— Ты не понимаешь, Рон, — Гарри горько усмехнулся, и этот сухой звук был страшнее любого плача. — Если существо, которое годами держало в ужасе весь наш мир, которое считало себя бессмертным богом, развернуло свои войска и сбежало при виде этих тварей... значит, то, что пришло извне, пугает даже его. Мы радовались, что спаслись от змеи, но в наш дом пришел дракон. И мы понятия не имеем, как с ним бороться.

5.

Прошли три бесконечные, похожие на лихорадочный сон недели с тех пор, как небо над Шотландией расколосось багровым швом. За это время мир, каким его знали волшебники и маглы, медленно превращался в тлеющие, покрытые пеплом руины. Черная, хлынувшая из портала лавина, которую пленные сквозь зубы и кровавую пену наконец назвали «орками», катилась на юг, захватывая землю. Железнодорожные пути были вывернуты спиралями, шоссе забиты километровыми вереницами брошенных, сгоревших машин, а южные

пригороды Лондона уже заволакивало жирным, удушливым дымом от горящих элеваторов и заброшенных заводов. Орды Мордора шли на столицу.

В подземных казематах Министерства магии, на самом нижнем, секретном уровне Отдела тайн, пахло уксусом, сыростью и горелым мясом. На массивном железном стуле, намертво опутанном заклетыми цепями, билось уродливое, приземистое существо с серой кожей и покрытыми язвами клыками. Его темная, густая кровь ритмично капала на каменные плиты, издавая чавкающий звук. Рядом на коленях стоял Гарри Поттер. Его мантия была насквозь пропитана холодным потом, а лицо казалось серым, точно выточенным из сухого гипса.

— Кто ведет вас? Сколько еще порталов откроется? — в десятый раз спросил Гарри, проталкивая слова через сжатое, сорванное до хрипа горло.

Вместо ответа орк лишь дико, с хлопаньем зарычал, обнажив желтые пеньки зубов. Гермиона Грейнджер, стоявшая чуть поодаль с флаконом сыворотки правды, судорожно сжала онемевшие ладони. Три полных пузырька чистейшего веритасерума уже были влиты в забитую грязью глотку этой твари, но прозрачная жидкость, обычно ломающая любую человеческую волю, лишь заставляла пленника пускать липкую розоватую пену. Кингсли Бруствер сделал тяжелый шаг вперед, его массивная волшебная палочка замерла прямо между близко посаженными, заплывшими глазами орка.

— Легилименс! — низкий, рокочущий голос министра заставил факелы на стенах на мгновение приникнуть к полу.

Кингсли резко втянул воздух сквозь сжатые зубы. Его лицо мгновенно исказилось от дикого ментального удара, на лбу вздулись толстые, синеватые вены. Он продержался всего пару секунд, прежде чем его с силой отбросило назад. Гарри едва успел подхватить мага за плечи, удержав от падения. Кингсли тяжело, прерывисто дышал, его веки дробно подрагивали. В чужом, диком сознании не оказалось привычных логических цепочек или воспоминаний, которые можно было бы прочесть. Там стоял глухой, монолитный блок — реву-щая черная стена, сотворенная чьей-то колоссальной, невероятной древней волей. Из этого ментального месива удавалось выудить лишь обрывки, обжигающие разум: раскаленное докрасна Багровое Око, имя «Саурон», бьющееся в висках как тяжкий набат, и одна-единственная, выжженная на подкорке цель — стереть этот мир, выжечь его до основания, растоптать тяжелыми сапогами всё, что дышит. И больше ничего. Никаких тактических планов, никаких уязвимостей.

— Это бесполезно, — выдохнул Кингсли, тыльной стороной рукава вытирая темную кровь, хлынувшую из носа от жестокой ментальной отдачи. — Их разум запечатан хозяином. Они не знают ничего, кроме приказа идти вперед. И они идут.

В этот момент тяжелая кованая дверь каземата с грохо-

том ударилась о стену. В помещение ворвался Артур Уизли. Его очки съехали на кончик носа, а министерская мантия была разорвана на груди. В дрожащих руках он сжимал странный, громоздкий прибор — магловое радио, утыканное медными проводами и искрящееся нанесенными магическими рунами. Из динамика, сквозь жуткий треск и скрежет помех, прорывался чей-то истерический, задыхающийся крик на английском, беспрестанно прерываемый грохотом тяжелых, ритмичных взрывов.

— Кингсли! Гарри! Вы должны слышать это! — закричал Артур, едва переводя дух. — Маглы... маглы вступили в полномасштабный бой под Бедфордом! Их регулярная армия, эти их танки и летающие машины!

Все замерли, вслушиваясь в канонаду, доносившуюся из динамика. На мгновение в глазах Рона, который только что вошел в камеру с охапкой свежих аврорских отчетов, вспыхнула дикая, отчаянная надежда. Маглы были эффективны. Их автоматическое оружие, тяжелая артиллерия и разрывающиеся снаряды перемалывали орочьи передовые отряды сотнями. Свинцовый шквал пулеметов рвал грубую кожаную броню орков, точно труху; многотонные гусеницы бронемашин втаптывали клыкастых пехотинцев в грязь. Маглы не знали страха перед дикими мордами пришельцев, их металл работал с безупречной, механической свирепостью.

Но едва возникшая радость угасла, едва треск эфира сменился леденящим душу, потусторонним воем. Этот звук, до-

несшийся из динамика, заставил Гарри судорожно впиться пальцами в рукоять палочки — так выли дементоры, но в этом крике слышалось больше звенящей, вымораживающей кровь ненависти.

— О Боже, они падают прямо с неба! Что это?! Черные крылатые твари!.. Наша электроника... она гаснет! Оружие клинит! — забился в истерике голос из приемника, и на заднем плане раздался оглушительный скрежет разрываемого бронзового листа. — Пехота... они бросают винтовки! Они сходят с ума от страха! Помогите нам, кто-нибудь, помог...

Связь оборвалась глухим, мертвым шипением.

Артур Уизли медленно опустил обессиленные руки, его лицо было белым как мел. Он посмотрел на Кингсли с тихим, затаенным ужасом.

— Маглы бессильны против их колдовства, — тихо, почти беззвучно произнес Артур. — Их танки просто превращаются в груды мертвого железа, когда сверху спускаются эти девять в черных лохмотьях. Их назгулы... один их вопль парализует целые дивизии, заставляя солдат стрелять друг в друга или умирать от остановки сердца. А за ними идут их шаманы, которые взрывают землю прямо под ногами людей, и эти огромные великаны... тролли в панцирях, которые отражают снаряды своей магией и швыряют грузовики, точно детские кубики.

— Но наши палочки пробивают их чары! — горячо воскликнул Рон, делая хаотичный шаг вперед и потрясая стоп-

кой пергаментов. — Кингсли, да посмотри ты отчеты с передовой! Наше Остолбеней сбивает их шаманов с ног! Редукто в пыль разносит щиты троллей-магов! Магия этого Мордора... она тяжелая, она древняя, но наши чары гибче, быстрее! Мы можем блокировать их заклятия, мы можем уничтожать их колдунов!

— Можем, Рон, — горько перебила его Гермiona, и по ее щеке покатилась одинокая, прозрачная слеза, оставляя след на пыльной коже. — Но нас слишком мало. На одного аврора приходится тысячи этих тварей. Мы уничтожаем десятков, а нас просто заваливают мясом. У Пожирателей смерти были тактика и разум, а у этих — бесконечная, тупая масса, которая давит числом. Мы иссякаем. Если падет Лондон, они вырежут и волшебников, и маглов. Всех до единого.

В каземате повисла тяжелая, густая тишина. Слышно было лишь, как сопит на железном стуле связанный, обезумевший орк.

Гарри медленно поднял глаза на Кингсли Бруствера. Взгляд девятнадцатилетнего парня, на плечи которого снова легла судьба этого мира, сейчас был сухим, выжженным и пугающе решительным.

— Нужно отменить Статут о секретности, — отчетливо, ровно произнес Гарри.

Рон резко, судорожно втянул воздух, Артур вздрогнул, а Кингсли медленно повернул голову к Поттеру, и его алые от хронического недосыпания глаза сузились.

— Гарри... ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь? — тихо, с тяжелым нажимом спросил министр. — Пакт о секретности — это фундаментальная основа нашего мира. Сбросить покров сейчас, в самый разгар катастрофы? Это вызовет вторую волну дикой паники. Маглы окончательно сойдут с ума.

— Они и так сходят с ума, Кингсли! — Гарри сделал шаг к нему, его голос зазвенел от сдерживаемой, рвущейся наружу боли. — Прямо сейчас под Бедфордом гибли сотни людей, которые могли бы жить, если бы рядом стоял хотя бы один отряд волшебников, способный воздвигнуть Протега против чар их шаманов! Маглы умеют воевать, у них есть оружие, которое уничтожает орочьи орды тысячами. У нас есть магия, которая может закрыть их от темного колдовства Мордора. Мы — идеальный замок и идеальный ключ. По отдельности мы просто две группы смертников, которые смиренно ждут своей очереди на бойню!

Гермиона подошла к Кингсли и мягко, но не колеблясь, положила тонкую ладонь на его массивное плечо. В ее глазах больше не было слез — только холодная, кристально чистая логика.

— Гарри прав, министр. У нас нет иного выбора. Магловский премьер-министр сейчас заперся в своем бункере под Даунинг-стрит и пытаются понять, почему его радары не видят существ, сжигающих его танки. Если мы явимся туда прямо сейчас — не как враги, а как единственные со-

юзники... Его генералы дадут нам огневую мощь. Мы дадим им ментальный щит и магическую защиту. Мы свяжем их артиллерию с нашими чарами слежения. Это единственный шанс остановить орду до того, как они ворвутся на Трафальгарскую площадь.

Кингсли Бруствер молчал. Он стоял неподвижно, точно-точно гранитный колосс, и на его темном лице отражалась жестокая, рвущая душу борьба. Он вспомнил века вынужденных гонений, вспомнил, как бережно и тщательно магическое сообщество прятало свои тайны, как жестоко карались любые попытки показать маглам хотя бы единую искру из палочки. Сбросить Статут означало навсегда переписать ход человеческой истории. Мир никогда не станет прежним — даже если они выстоят. Но единственной альтернативой этой жертве была смерть. Полное, окончательное истребление всего человеческого рода.

Министр магии глубоко, со свистом перевел дыхание. Его широкие плечи чуть опустились, словно под тяжестью невидимой плиты. Он медленно поднял палочку, крутанул её в пальцах и скрыл в широком рукаве.

— Артур, — скомандовал он сухим, не терпящим возражений тоном. — Немедленно свяжись с премьер-министром маглов через портрет в его кабинете. Передай, что Министр магии требует личной и незамедлительной аудиенции. Мы предложим им коалицию.

— Вы уверены, Кингсли?.. — прошептал кто-то из за-

стывших в тени чиновников.

— Уверен ли я? Я ни в чем не уверен, — Кингсли выпрямился во весь рост, и его тяжелая мантия зашуршала в звенящей тишине подземелья. — Кроме одного: по отдельности мы падём уже через несколько дней.

6.

Подземные лаборатории Отдела тайн, веками скрывавшие самые темные и непостижимые загадки бытия, теперь напоминали цех футуристического военного завода, где безумие переплелось с холодным, отчаянным расчетом. Пространство между хрустальными часами, неумолимо отсчитывающими время, и массивными стеклянными резервуарами со светящимися человеческими воспоминаниями было доверху забито ящиками со стальными снарядами, разобранными пулеметными затворами и тяжелыми армейскими радиостанциями. Под сводами, исписанными древними запечатавающими рунами, густо пахло оружейным маслом, едким флюсом для канифольной пайки и озоном — следом от сотен непрерывных магических вспышек.

Профессор Флитвик, стоя на вершине шаткой стремянки, сложенной из толстых фолиантов по высшей трансфигурации, лихорадочно дирижировал своей волшебной палочкой. Его маленькое лицо покраснелось, очки съехали на самый кончик носа, а голос срывался на пронзительный фальцет, когда он накладывал сложнейшую цепочку чар на тяжелую

бронеплите танковой башни:

— Чуть левее, полковник, держите крепче! Заклинание Вечного Прорыва должно лечь точно между молекулярными швами сплава! — кричал он, и с конца его палочки срывались снопы лазурных искр, с тихим, глубоким гулом впитывавшиеся в сталь.

— Протега Квадруплюм! Сальвио Гексия! Вот так, отличная работа! Теперь этот кусок железа не прожжет ни один огненный шар их шаманов!

Магловские военные — суровые инженеры из Министерства обороны Великобритании, одетые в камуфляжную форму и защитные очки, — поначалу смотрели на происходящее с диким, граничащим с шоком непониманием. Но сейчас, когда на их глазах обычная армейская рация, зачарованная профессором Когтеврана, продолжала безупречно принимать сигнал в зоне мощнейшего искажения связи, их скепсис сменился яростным, лихорадочным азартом. Под руководством магов они покрывали гильзы разрывных снарядов тонкой вязью рун, превращая свинец в смертоносные магические боеприпасы, способные в пыль разорвать закованных в броню троллей.

Рядом с ними у стола, заваленного чертежами и схемами гидравлических приводов, застыла Полумна Лавгуд. На ее ушах вместо привычных сережек-редисок висели тяжелые магловские наушники, а на носу красовались спектрально-астральные очки. Она бережно, кончиками пальцев води-

ла по холодному дулу массивного пулемета, словно гладила диковинное, спящее животное.

— Вы знаете, эти пули теперь поют, — тихо, со своей обычной мечтательной улыбкой произнесла она, поворачиваясь к стоящему рядом майору, который со знанием дела снаряжал патронную ленту. — Заклятие Когтеврана отгоняет от пороха нарглов страха. Когда металл летит в этих уродливых существ, он больше не подчиняется законам притяжения. Он ищет их злобу. Наша магия делает ваши машины зрячими в их темноте.

Майор лишь молча кивнул, не отрываясь от работы, хотя уголки его губ дернулись в некоем подобии уважения.

Гермиона Грейнджер ворвалась в лабораторию, едва не сбив стопку пустых ящиков из-под минометных мин. Ее глаза дико блестели от сутками сдерживаемого напряжения, пышные волосы превратились в сплошное, безумное облако, а на руках виднелись черные пятна от чернил и порохового нагара. Она держала в руках толстый пергаментный свиток с первыми оперативными сводками с фронта, который только что принес Кингсли Бруствер.

— Есть первые результаты! Синтез работает! — задыхаясь, крикнула она, привлекая к себе внимание уставших магов и военных. — Под Ридингом третья бронетанковая бригада, используя наши зачарованные боеприпасы и щиты Флитвика, полностью уничтожила передовой отряд их тяжелой пехоты! Больше тридцати троллей-магов были разорва-

ны пушечными снарядами, обработанными заклятием Редюкто. Их шаманы не смогли пробить бронемашины — наши защитные чары удерживают технику от их колдовства! Прогнание орд Мордора... оно замедлилось, впервые за эти проклятые дни! Они не ожидали, что железо маглов может отвечать магией!

В лаборатории поднялся одобрительный, хриплый гул. Профессор Флитвик победно вскинул руки с палочкой, едва не свалившись со своей книжной башни, а суровый полковник впервые за три дня крепко и облегченно выругался, позволив себе короткую, жесткую улыбку. Это была первая, крошечная, но реальная победа. Огромная, слепая масса чудовищ споткнулась об этот противоестественный, рожденный в отчаянии союз науки и волшебства.

Но радость Гермiony быстро угасла, ее лицо снова приняло суровое, сосредоточенное выражение. Она опустила взгляд на нижние строчки отчета, и ее пальцы судорожно сжали жесткий пергамент.

— Но радоваться рано, — ее голос упал до напряженного шепота, заставив всех мгновенно замолчать. Веселье Флитвика испарилось, а полковник насупился, предчувствуя худшее.

— Что там еще, Грейнджер? — глухо спросил офицер, делая шаг вперед. — Если мы нашли управу на их авангард, значит, сможем раскатать и основные силы. Модифицированные авиабомбы и ракетные дивизионы уже на позициях.

Гермиона покачала головой, и в ее глазах отразился первобытный, леденящий душу ужас.

— Нет, сэр. Не сможем, — она сглотнула подступивший к горлу тяжелый комок. — Это был лишь разведывательный отряд. Разведка докладывает, что к Ридингу подтягиваются крупные соединения Саурана. И они... они развернули то, чего мы еще не видели. Магические щиты колоссальной, немыслимой мощности.

— Любой щит можно перегрузить плотностью огня, — отрезал полковник, стиснув кулаки. — Мы обрушим на них весь тротильный эквивалент, что у нас есть. Зачаруем каждую боеголовку!

— Вы просто не понимаете, все намного сложнее, чем вы думаете — перебила его Гермиона.

Ее голос предательски задрожал:

— Эти купола действуют совсем не так, как наше заклинание Протего. Когда маги из отдела Тайн изучили структуру этих щитов, то пришли в ужас. Щиты поддерживаются на прямую маной тысяч орков, марширующих в строю. Черная магия Саурана использует их как живые батареи, связывая их ману, и перекачивая в щиты. Это чудовищно, но это дает щитам абсолютно неиссякаемую подпитку. В отчете сказано, что поле стационарно удерживают целые легионы. Там такая концентрация чистой магии, что её невозможно пробить снаружи.

Она подняла глаза на Флитвика, надеясь на опроверже-

ние, но старый профессор лишь сокрушенно опустил голову.

— Бомбы, ракеты, тяжелая артиллерия, даже наши самые мощные модифицированные заклятиями снаряды — все это просто растворяется в их барьере, как капли дождя в раскаленной лаве, — продолжила Гермiona, и пергамент в ее руках мелко задрожал. — Они закрылись броней из тысяч жизней, и теперь эта армада беспрепятственно идет прямо на нас.

Она перевела дыхание и вновь посмотрела на военных. В ее затравленном взгляде сквозила неприкрытая боль:

— И мы до сих пор бессильны против главного. Против Девяти. Против этих черных всадников. Мы, несмотря на все старания, не смогли найти ни одного заклинания, способного развеять тот ужас, который они сеют. Если они поднимутся в воздух на своих крылатых тварях, никакие руны на пулях не спасут солдат от безумия. Наше оружие бессильно против назгулов.

Она сделала паузу, обводя тяжелым взглядом замерших военных и волшебников.

— Единственное, что нас спасает прямо сейчас, — по данным авроров-разведчиков, назгулы больше не вступали в прямое боевое соприкосновение. Их нет на передовой. Они держатся позади орды, словно чего-то ждут.

— Нам нужно что-то большее, чем просто зачарованный свинец, — Гермiona взглянула на Кингсли, который только что бесшумно вошел в лабораторию. — Если мы не найдем

более эффективный способ борьбы с силами Мордора, наш фронт рассыплется в первый же день их полноценной атаки.

Глава 2. Темные защитники

1.

В роскошном кабинете поместья Малфоев царил тяжелый полумрак, разбавляемый лишь ядовито-зеленым пламенем, бесшумно плясавшим в глубоком мраморном камине. Во-лан-де-Морт восседал в высоком кресле с резной спинкой, сложив свои длинные пальцы «домиком». На полированном столе перед ним лежала груда исписанных пергаментов с разведанными и трофейный орочий кинжал из грубой, необработанной стали, от которого даже спустя дни исходила ошущимая, застарелая аура дикой злобы.

— Итак, — голос Темного Лорда прорезал звенящую тишину, словно тонкое лезвие бритвы. — Мир изменился. Пока мы готовились очистить нашу кровь от грязной скверны, в наш дом ворвался мясник, для которого нет никакой разницы между чистокровным волшебником и последним, ничтожным маглом.

Беллатриса Лестрейндж, чьи густые темные волосы были дико всклокочены, а в запавших глазах горело привычное безумие, резко шагнула из тени вперед.

— Мой Лорд! Это унижительно! — вскричала она, и ее голос сорвался на пронзительный визг. — Я лично видела до-несения! Бруствер... этот жалкий предатель крови, открыто пожимает руки маглам! Они превращают нашу священную,

древнюю магию в придаток к своим железным палкам! При-
мкнуть к ним — значит осквернить саму суть нашего вели-
чия!

— И какова альтернатива, Белла? — холодно, без единой
эмоции спросил Волан-де-Морт, слегка наклонив лысую го-
лову. — Саурон? Ты хочешь преклонить колено перед его
пылающим Оком?

— Я... я не знаю, мой Лорд... — пробормотала она, бес-
сильно опустив взгляд, и эта минутная, непривычная сла-
бость на ее искаженном лице выглядела поистине пугающе.
— Но союз с маглами... это же прямое предательство вашей
природы!

— Моя природа — это власть, Беллатриса, — сухо, с ледя-
нящим нажимом отчеканил Волан-де-Морт. — И я не наме-
рен делить ее ни с министерскими выскочками, ни с древним
духом из другого мира.

— Глупости! — Люциус Малфой, стоявший у высокого
окна с бокалом нетронутого фальшиво-красного вина, рез-
ко обернулся на каблуках. Его аристократическое лицо было
острым, бескровным и исхудавшим от постоянного, выматывающего нервы напряжения. — Беллатриса, ты рассуждаешь
как восторженная, слепая девчонка. Я лично изучал созна-
ние их захваченного командира. В иерархии Мордора не су-
ществует самого слова «союзник». Там есть только «госпо-
дин» и «раб».

Люциус подошел ближе к столу Темного Лорда, стараясь

удерживать осанку и говорить максимально убедительно, заглушая лихорадочную дрожь в голосе:

— Мой Лорд, Саурон — не маг в нашем привычном понимании. Он — тиран совершенно иного масштаба. Для него все мы — лишь полезные, временные инструменты, которые он безжалостно выбросит, как только мы захватим для него этот мир. Вы хотите быть всего лишь вторым при нем? Вы, чей великий дух превзошел саму смерть?

Волан-де-Морт едва заметно прищурил свои узкие, щелевидные алые глаза. Слова о «втором номере» мгновенно ударили в самую суть его безграничного, болезненного эго.

— Продолжай, Люциус, — процедил Темный Лорд, и в его шипящем голосе послышался опасный, хищный интерес.

— Мы находимся в капкане, — Малфой оперся о разложенную на столе карту Англии. — Если мы останемся в стороне, орки беспрепятственно сомнут союз магов и маглов, а затем сразу придут за нами. Если мы ударим в спину Министерству прямо сейчас, мы лишь поможем Саурону захватить эту землю быстрее, и окажемся один на один с его неисчислимыми легионами. Единственный разумный шаг... как бы отвратительно это ни звучало для Беллы — это временное, тактическое перемирие с антимордоровским альянсом.

Беллатриса в ярости с силой ударила кулаком по полированному дереву.

— Ты предлагаешь союз с Поттером?! С этой грязнокровкой Грейнджер?!

Люциус властным, не допускающим возражений жестом руки заставил ее замолчать, продолжая неотрывно смотреть только в алые глаза Волан-де-Морта:

— Временное, мой Лорд! Мы предложим им наши силы, наших лучших заклинателей, наши знания самых темных и запретных искусств, которые могут идеально дополнить магловое тяжелое оружие. Пусть авроры и маглы гибнут на передовой, сдерживая основную массу этой клыкастой саранчи. Мы просто используем их как живой щит. Мы позволим им истощить армии Саурана, а когда эта тварь из другого мира будет ослаблена или загнана обратно в свой проклятый портал... вот тогда мы нанесем решающий удар. Обескровленное Министерство и измотанная, обессиленная армия маглов не смогут оказать нам ни малейшего сопротивления. Вы вернете себе этот мир — очищенный от чужаков и полностью готовый к вашей абсолютной власти.

Люциус замолчал, тяжело, прерывисто дыша и застыл в ожидании неизбежного приговора.

Волан-де-Морт медленно, беззвучно поднялся с кресла. Нагайна с тихим, угрожающим шипением отползла от его ног в глухую тень. Темный Лорд подошел к окну, всматриваясь в багровые, тревожные сполохи на далеком горизонте. Его змеиное, бледное лицо застыло в глубоком, ледящем раздумье. Идея Люциуса была пропитана чистейшим, безупречным змеиным коварством — тем самым, которое веками ценилось на факультете Слизерин. Это был единствен-

ный верный способ сохранить независимость и уничтожить обе угрозы руками друг друга.

— Временное перемирие... — тихо, смакуя каждое слово, повторил Волан-де-Морт, и на его бескровных губах появилась жуткая, едва заметная кривая улыбка. — Люциус... Твой разум наконец очистился от паники. Ты прав. Саурон совершил роковую ошибку, решив, что этот мир сдастся без боя. Он увидит, на что способна истинная магия, которую он так опрометчиво презирает.

Лорд резко повернулся к Малфою:

— Ты немедленно свяжешься с Бруствером. Передай ему: Лорд Волан-де-Морт предлагает перемирие. Мы будем сражаться на одной стороне... пока не покончим с Сауроном.

— Но, мой Лорд! — ахнула Беллатриса, сжимая кулаки до костяшек.

— Молчать, Белла! — оборвал ее господин ледяным тоном. — Это не союз равных. Это сделка хладнокровного охотника с наживкой. Пусть маглы гибнут в первых рядах. Пусть Орден Феникса тратит свои жизни на орков. Мы ударим точно тогда, когда обе стороны окажутся на грани полного изнеможения.

Он взяла со стола тяжелый орочий кинжал и сжал его в бледной ладони. Чёрное лезвие жалобно звякнуло и пошло глубокими трещинами под давлением его магии, рассыпаясь трухой.

— Люциус, подготовь встречу на нейтральной террито-

рии. И скажи им... если хоть одна палочка будет направлена в спину моего человека, я лично скормлю их министерство Нагайне еще до того, как орки переправятся через Темзу. Мы начинаем игру, в которой Саурон — лишь еще одна фигура, которую я намерен сбросить с доски.

2.

Местом для этой противоестественной встречи была выбрана нейтральная территория — полуразрушенная, выжженная дотла магловская церковь на холме, аккурат на полпути между Лондоном и Уилтширом. Высокая крыша здания давно рухнула, и сквозь оголенные, обугленные стропила на растрескавшийся мраморный алтарь падал тяжелый, багровый свет нестихающих пожаров. Воздух здесь был горьким, насквозь пропитанным чадом, сыростью и едкой пороховой гарью недалеко стоящего фронта.

Министерство магии и Орден Феникса прибыли первыми. Кингсли Бруствер в тяжелой боевой мантии, Гарри Поттер, чье лицо за эти недели превратилось в суровую каменную маску, и профессор Макгонагалл стояли у полуразрушенного стрельчатого входа, держа палочки наготове. За их спинами, скрытые чарами дезиллюминации, замерли отборные авроры.

Внезапный порыв ледяного ветра ворвался под своды церкви, взметнув серый пепел. Без единого звука, словно соткавшись из клубов черного, маслянистого дыма, на другом

конце зала появились двое.

Волан-де-Морт ступал по битому кирпичу бесшумно, его черная мантия волочилась по грязному полу, а алые глаза-щели сразу же зафиксировались на Гарри Поттере. Чуть позади, бледный, но внешне безупречно собранный, шел Люциус Малфой, сжимая в руке набалдашник трости в виде змеиной головы.

Гарри почувствовал, как шрам на лбу обожгло знакомой, острой болью, но даже не поморщился. Его пальцы лишь крепче сжали палочку.

— Кингсли, — нарушил тишину Люциус, его голос прозвучал подчеркнуто ровно, эхом отразившись от уцелевших стен. — Мы пришли сюда не за тем, чтобы мериться силами, которые завтра могут стать легкой добычей для саранчи. Мой Лорд готов говорить.

Кингсли Бруствер сделал один тяжелый шаг вперед. На его широком лице не отразилось ни единой эмоции, кроме глубокого, сурового утомления.

— Мы слушаем ваши условия, Реддл, — твердо произнес министр, демонстративно опустив палочку, но не пряча ее.

При упоминании своего настоящего имени Волан-де-Морт едва заметно дернул ноздрями, но его ледяное хладнокровие не пошатнулось. Он лишь плавным движением руки позволил Люциусу говорить от своего имени.

— Первое и ключевое, — отчеканил Малфой, переводя холодный взгляд с Кингсли на Макгонагалл. — Полное,

безоговорочное перемирие между Пожирателями Смерти и Министерством до тех пор, пока последняя тварь Саурона не будет уничтожена или загнана обратно в бездну. Это перемирие распространяется и на маглов. Мой Лорд гарантирует, что ни один обычный человек не пострадает от рук наших бойцов... пока идет эта война. Нам нужен дееспособный щит на передовой, а не гора трупов в тылу.

Макгонагалл шумно выдохнула через нос, ее губы сжались в тонкую линию. Ей было физически больно стоять здесь и слушать этого человека, но логика Гермiony, озвученная накануне в штабе, была наотмашь: без темной магии Пожирателей им не удержать фронт.

— Это логично, — кивнула она, нервно сжимая кулак. — А дальше?

— Во-вторых, — Люциус обвел присутствующих взглядом, — Пожиратели смерти сохраняют право на самостоятельные боевые операции. Мы не намерены подчиняться вашим штабам или, упаси Мерлин, магловским генералам. Если мой Лорд сочтет целесообразным нанести удар — он будет нанесен.

— Это опасно, Люциус, — глухо отозвался Кингсли. — В хаосе боя ваши «самостоятельные действия» могут обернуться ударом по нашим силам.

— Тогда не стойте у нас на пути, — ледяной, шипящий шепот Волан-де-Морта впервые нарушил его молчание.

Звук его голоса заставил Макгонагалл внутренне подо-

браться.

— Мои слуги знают, кто враг, — продолжил Темный Лорд. — Если ваши щенки полезут под наши заклęcia — это будут их проблемы.

Он сделал шаг вперед, и его алые глаза на мгновение сверкнули первобытной, хищной силой.

— Третье условие, — Люциус поспешил вернуть инициативу, чувствуя, как воздух в церкви начинает искриться от напряжения. — Равный доступ к любым трофейным артефактам, книгам магии или оружию, которые будут захвачены у Мордора. Отделу тайн не удастся спрятать от нас наследие этого мира. Все находки делятся поровну. И последнее... Полный карт-бланш на любые действия, методы и заклинания против сил Саурана. Министерство не будет совать свой нос в то, какими методами мы вырываем информацию или уничтожаем врага. Никаких судов Визенгамота после войны за то, что будет сделано ради победы.

В церкви повисла мертвая, удушливая тишина. Далекий гул артиллерийского залпа где-то под Лондоном заставил вздрогнуть землю под их ногами.

Кингсли Бруствер тяжело оперся о разрушенный алтарь:

— Вы требуете легализации пыток и убийств под предлогом войны.

— Я требую права уничтожать мусор, который заваливает наши улицы, — прошипел Волан-де-Морт. — Или вы надеетесь победить армию, не знающую жалости, с помощью

заклинаний обезоруживания? Ваша доброта — это кандалы. Я не собираюсь их носить.

Гарри Поттер посмотрел на Волан-де-Морта. Заклятый враг, убийца его родителей, человек, который разрушил его жизнь, сейчас стоял перед ним и предлагал сделку. Это было отвратительно. Это казалось предательством памяти всех, кто погиб в Хогвартсе. Но Гарри закрыл глаза и вспомнил перехваченный радиообмен магловых солдат, их крики, когда с неба спускался черный ужас назгулов. Без Пожирателей Лондон превратится в морг через два дня.

Он открыл глаза и коротко, едва заметно кивнул Кингсли.
— Мы принимаем эти условия, — Кингсли отчеканил каждое слово, словно вбивал гвозди в крышку гроба. — Перемирие до конца войны. Автономия в бою. Равный раздел трофеев. Карт-бланш против сил Мордора. Но с одним дополнением: любой акт агрессии против гражданского населения — мага или магла — автоматически аннулирует договор, и мы направим против вас всё наше оружие. И магическое, и то, что дали нам маглы.

Волан-де-Морт издал звук, похожий на сухой смешок:
— Магловское оружие... Как забавно. Что ж, Бруствер. Твоя решимость почти вызывает уважение. Люциус, закрепи договор.

Малфой взмахнул палочкой, и на пергаменте вспыхнули золотые нити Непреложного обета, связавшие на время две самые ненавидящие друг друга силы в мире.

— До встречи на поле боя, — Волан-де-Морт начал растворяться в черном дыму. — Надеюсь, вы не умрете слишком рано. Мне бы хотелось, чтобы вы увидели, как я сокрушу того, кого вы так боитесь.

Когда черная дымка рассеялась, Гарри почувствовал, как холод отступает, оставляя лишь горечь.

— Мы только что заключили сделку с дьяволом, Кингсли, — тихо сказал он.

— Знаю, Гарри, — ответил министр, глядя на затянутый дымом горизонт. — Но в войне против сил Тьмы нам нужен тот, кто умеет сражаться в темноте.

3.

Атриум Министерства магии, освещенный теперь не золотым, теплым светом магических ламп, а тревожными, рваными всполохами аварийных огней, казался Гарри и его друзьям совсем чужим и мертвенно-холодным местом. Когда Кингсли Бруствер официально объявил о подписании пакта, в застывшем зале повисла такая тяжелая тишина, что было отчетливо слышно, как оседает пыль на обломках разрушенных статуй.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни укрылись в небольшой полутемной нише за штабелями ящиков с «зачарованным свинцом».

— Это безумие, — Рон первым нарушил тишину, с яростной силой пнув пустую гильзу, которая со звоном ускакала

в тень. — Мы дали Малфою и Беллатрисе официальное, законное разрешение на убийства! Они же будут наслаждаться этим! Вы видели лицо Люциуса? Он выглядел так, будто ему только что подарили весь Гринготтс со всеми его подземельями!

— У Кингсли не было выбора, Рон, — Гермиона сидела на низком ящике, плотно обхватив колени дрожащими руками. Ее глаза были опухшими и красными от бесконечных бессонных ночей в библиотеке. — Вчера под Йорком орки использовали пленных маглов как живой щит. Солдаты просто не могли стрелять. Пожиратели... они не станут колебаться. Они просто выжгут всё поле вместе с пленными. Это ужасно, это бесчеловечно, но... если орки пройдут дальше, мертвых будет в тысячи раз больше.

— Бесчеловечно? — Джинни резко вскинула голову, и ее рыжие волосы качнулись. Ее рука всё еще до белизны косяшек сжимала рукоять палочки. — Гермиона, мы говорим о Волан-де-Морте! Мы дали ему «карт-бланш». Вы вообще понимаете, что это значит? Когда эта война закончится — если она вообще когда-нибудь закончится — он скажет: «Я спас этот мир, пока вы прятались за своими законами». Он сделает из этого свою главную, величайшую победу!

Гарри стоял, прислонившись затылком к холодной гранитной стене, и молча смотрел на свои исцарапанные руки. Его шрам больше не пульсировал яростью Темного Лорда — теперь там застряла лишь тупая, фоновая боль, похожая на

ломоту от старой раны в сырую погоду.

— Он не собирается никого спасать, Джинни, — тихо, но абсолютно отчетливо произнес Гарри. — Я чувствовал его мысли во время переговоров. Ему плевать на маглов. Ему плевать на нас. Он просто физически не может вынести мысли, что в этом мире появился кто-то более страшный и могущественный, чем он сам. Для него Саурон — это личное, смертельное оскорбление.

— И что теперь? — спросил Рон, и его голос сорвался от душащего, выжигающего изнутри гнева. — Мы будем сражаться плечом к плечу с теми, кто еще месяц назад пытался нас убить? Ждать, пока Беллатриса сожжет очередную деревню, и мило говорить ей «спасибо»?!

— Мы будем следить за ними, — отрезал Гарри. Он выпрямился, и в его взгляде друзья увидели ту самую непреклонную решимость, которая когда-то вела его в Запретный лес. — Договор дает им право на «самостоятельные действия». Значит, и нам он дает полное право не спрашивать разрешения. Мы не союзники. Мы просто две стаи волков, которые пытаются загрызть одного огромного медведя.

Гермиона тяжело вздохнула и открыла массивный фолиант, лежащий у нее на коленях.

— Я боюсь другого. Волан-де-Морт потребовал прямой доступ к трофейным артефактам. Если в Мордоре есть вещи, способные разрывать ткань пространства, и они попадут в его руки...

— Мы не дадим им попасть к нему первыми, — Джинни подошла к Гарри и крепко взяла его за руку, сжимая ее своими холодными пальцами. — Если будет бой за какой-нибудь их «черный штандарт» или посох шамана, мы должны быть там раньше Пожирателей.

— Значит, решено, — Рон криво усмехнулся, но его лицо внезапно исказилось от невыносимого, жгучего отвращения. Пальцы судорожно впились в брезентовую лямку. Одним резким, яростным движением он сорвал тяжелую походную сумку с плеча и с глухим стуком швырнул ее на пол, прямо в серую гранитную пыль. — Будем надеяться, что Пожиратели смерти окажутся достаточно эффективными, чтобы мы успели придумать, как избавиться от них обоих сразу. Я больше не могу это слушать. Просто не могу.

Он развернулся и тяжелыми шагами вышел из ниши, быстро скрываясь в полумраке бесконечного коридора. Джинни хотела было пойти за ним, но Гарри мягко удержал ее за локоть, покачав головой. Рону нужно было побыть одному с этой неперевариваемой болью.

— Смотрите, — Гарри кивком указал на дальний выход из Атриума.

Там, в густой тени разрушенных колонн, мелькнули силуэты в черных мантиях. Группа Пожирателей смерти во главе с Антонием Долоховым направлялась к выходу на разрушенные улицы Лондона. Они не оглядывались. На их плечах были жестко закреплены магловские радиостанции, переделан-

ные когтевранцами, — сюрреалистичное, невероятное зрелище, ставшее символом этого нового, искаленного мира.

— Начинается, — едва слышно прошептала Гермиона, захлопывая книгу. — Величайший и самый грязный союз в истории.

4.

Черный, маслянистый туман Запретного леса теперь скрывал в своих чащах не только акромантулов, но и нечто гораздо более жуткое. По ночам из орочьих лагерей в окрестностях разрушенного Хогвартса доносился дикий, животный вой, который заглушал даже яростное рычание варгов.

Беллатриса Лестрейндж нашла в этой катастрофе свое истинное, высшее призвание. Одетый в рваные лохмотья и грубую сталь авангард Мордора, привыкший внушать первобытный ужас смертным, столкнулся с той, для кого чужая боль всегда была единственным источником искренней радости. Её отряд — «Рейдеры черепа», как их шепотом нарицали выжившие орки, — действовал с демонстративной жестокостью.

— Слишком быстро сдох, какая жалость! — Беллатриса с заливистым смехом взмахнула палочкой, и тщедушное тело орочьего сотника, только что вывернутое наизнанку заклятием *Интернецио*, отлетело прямо в пылающий костер, в то время как двое других орков в судорогах душили друг друга своими собственными кишками.

Вокруг нее на выжженной траве лежали десятки истерзанных существ. Она не просто убивала их — она превращала их смерть в кровавый, безумный перформанс. Головы орков, насаженные на деревянные пики вдоль лесных дорог, были зачарованы так, чтобы они беспрестанно продолжали визжать, предупреждая сородичей о приближении «Бледной Ведьмы».

— Смотрите, они бегут! — захохотала она, взвившись над землей и указывая на группу орков, которые в дикой панике побросали оружие и бросились в болота, едва заведя на темном небе зеленую вспышку её Черной метки. — Они боятся нас больше, чем своего проклятого Ока! Назгулы далеко, а Белла — здесь!

В это же самое время в глубоких подземельях поместья Малфоев Волан-де-Морт «работал» с высокопоставленными пленниками — харадримскими военачальниками и магами из числа черных нуменорцев.

— *Круцио!* — лениво, почти небрежно произнес Темный Лорд.

Пленник, прикованный к сырой стене заговорными цепями, выгнулся дугой, его вопль перешел в ультразвуковой хрип. Когда боль достигла своего пика, Волан-де-Морт прижал длинный костяной палец к его лбу.

— Твоя защита ничтожно слаба... Твой разум — открытая книга, написанная грязью. Покажи мне... покажи мне, где Саурон собирает свои главные силы.

С помощью глубокой Легилименции, щедро усиленной пыткой, Лорд вырывал куски памяти прямо из живой, стекающей плоти мозга. Он видел точно обозначенные расположения военных лагерей, схемы переброски подкреплений и — самое главное — чувствовал растущее недовольство и растерянность в рядах войск Саурана. К утру от пленников оставались лишь пустые, выжженные оболочки с помутневшими глазами, пускающие слюну на холодный камень.

В штабе Ордена Феникса в Министерстве магии царила воистину погребальная атмосфера. На длинном столе перед Кингсли лежали снимки, доставленные аврами-разведчиками.

— Мы не можем это просто игнорировать! — голос Минервы Макгонагалл дрожал от глубокого отвращения. — То, что творит Беллатриса в лесах... это за гранью любого человеческого или военного преступления! Она питит их часами, просто ради забавы. Орки дезертируют тысячами, да, их фронт рушится, но какой ценой? Мы молча позволяем ей это делать!

— Минерва, — Кингсли тяжело вздохнул, не поднимая воспаленных глаз от стола. — Эти «дезертиры» еще неделю назад живьем ели людей в деревнях под Глостером. Благодаря её «рейдам ужаса» мы освободили три графства без единого маглового или аврского погибшего. Главное оружие Саурана — Назгулы — теперь заняты тем, что гонятся за Беллатрисой и ее рейдерами вместо того, чтобы сводить с

ума наши армии на фронте!

— Значит, эффективность стала важнее человеческой души? — Гарри шагнул к столу, его лицо казалось мертвенно-бледным. — Если мы победим Саурана руками Беллатрисы, чем мы сами будем отличаться от Мордора? Посмотрите на эти отчеты! Волан-де-Морт узнал о планах наступления на Лондон только потому, что превратил в овощи десять человек!

— Но он узнал о них, Гарри! — неожиданно выкрикнула Гермиона, и все присутствующие вздрогнули, обернувшись к ней. В ее глазах стояли слезы. — Если бы он не узнал, завтра утром на Лондон обрушились бы огненные шары, и погибли бы миллионы! Наш веритасерум и Легилименция не могли преодолеть даже самые простые ментальные блоки Саурана, а Волан-де-Морт проходит через них, точно горячий нож через масло! Я ненавижу это... я искренне ненавижу каждый пункт этого договора. Но как мне выбирать между моралью и выживанием человечества?!

— Это выбор, который Саурон и хочет, чтобы мы сделали, — тихо, но твердо сказал Гарри. — Он хочет, чтобы мы стали такими же, как они.

— Реддл прислал нам точные координаты их главного штаба в руинах Хогсмиды, — Кингсли выпрямился, с глухим стуком закрывая папку с фотографиями зверств. — Завтра мы нанесем совместный, массированный удар. Маглы готовят ракетный залп, мы обеспечим магическое прикрытие,

а Пожиратели... они сделают то, что умеют лучше всего.

Он посмотрел в глаза Поттеру:

— Ты можешь ненавидеть их методы, Гарри. Я сам их всей душой ненавижу. Но завтра ты встанешь в один строй с До-
ловым, потому что иначе завтрашний день просто не наступит ни для кого из нас.

Гарри молча отвернулся. Его взгляд упал на лежащий на полу свежий выпуск «Ежедневного пророка». На главной странице красовалось фото: Беллатриса Лестрейндж на фоне пылающего лагеря орков, ее лицо было искажено безумным триумфом, а подпись гласила: *«Наши темные защитники: ужас на службе человечества»*.

Он почувствовал, как весь мир вокруг него покрывается липкой, несмываемой тьмой, и отчетливо понимал, что после этой войны никто из них уже никогда не станет прежним.

5.

Сообщение от разведки пришло на самом рассвете: огромный орочий «кулак», численностью не менее трех тысяч клинков, отделился от основного северного фронта и форсированным маршем двинулся к долине Глен-Мор. Там, в наспех возведенном лагере под магическими чарами и брезентовыми навесами, укрывались пять тысяч беженцев — семьи магов и маглов, вытесненные из разоренных, сожженных северных городов.

В командном центре Министерства Гарри в ужасе смотрел

на мерцающую магическую карту. Маленькие алые точки — враг — неумолимо и быстро приближались к беззащитному белому пятну лагеря.

— Там только отряд самообороны из десяти авроров и пара десятков ополченцев с магловскими винтовками! — вскричал Гарри, с такой силой ударив кулаком по столу, что подскочили карты. — Кингсли, где наши основные резервы?!

— Вертолеты застряли в густом непроглядном тумане, который наколдовали орочьи шаманы в Эдинбурге, — глухо отозвался Бруствер, даже не поднимая головы. — Ближайшая танковая бригада маглов находится в пятидесяти милях. Они физически не успеют.

— Мы немедленно отправимся туда! — Рон уже хватал свою потертую сумку с зачарованным боезапасом. — Я, Гарри, Гермиона, Невилл... мы соберем абсолютно всех, кто способен держать палочку!

— Вас будет от силы пятьдесят человек против трех тысяч, Рон, — Гермиона лихорадочно вычисляла что-то на пергаменте, и ее лицо с каждой секундой становилось всё бледнее. — Даже с вашими новыми боевыми заклинаниями... они просто задавят вас массой. Вы погибнете через десять минут боя, а потом они беспрепятственно доберутся до детей!

В дверях штаба слышался сухой, размеренный стук трости. Люциус Малфой вошел в комнату с невозмутимым,

безупречным видом, хотя в его холодных глазах мерцало нечто, похожее на злорадное предвкушение.

— Какая трагическая дилемма, — протянул он, с грацией останавливаясь у карты. — Гриффиндорская отвага против математической неизбежности. Вы правда собираетесь совершить красивое, но бессмысленное самоубийство, Поттер?

— У вас есть предложение получше, Малфой? — огрызнулся Гарри, чувствуя, как внутри волной закипает ярость.

— У моего Лорда есть, — Люциус слегка склонил голову. — Беллатриса со своим отрядом находится всего в пяти милях от Глен-Мор. Она только что закончила «зачистку» прибрежной полосы. Её люди полны сил и... недюжинного энтузиазма. Один мой сигнал — и через пятнадцать минут она обрушится на хвост этой марширующей колонны.

Гарри замер. Он медленно посмотрел на Рона и Гермиону. В комнате стало так тихо, что было слышно лишь удушливое шипение магических ламп.

— Вы отлично знаете, как она воюет, — тихо сказал Гарри, прямо глядя Люциусу в глаза. — Если она туда придет, там не будет обычного военного столкновения. Там будет кровавая баня. Она не оставит раненых, она не будет брать пленных. Она превратит эту долину в филиал ада.

— Безусловно, — Люциус тонко, едва заметно улыбнулся. — Но орки не дойдут до лагеря. Ни один. Они будут слишком заняты попытками запихнуть свои кишки обратно, пока

Белла будет играть с их разумом. Выбирайте, Поттер: ваша незапятнанная, чистая совесть и пять тысяч трупов в лагере... или жизнь этих людей, купленная ценой того, что Беллатриса Лестрейндж проведет еще одну «веселую» ночь.

Гарри перевел взгляд на карту. Красные точки были уже в каких-то двух милях от цели. Он явственно представил крики женщин, ужас и плач детей и то, что именно с ними сделают орки, если ворвутся за хлипкую ограду. А потом он представил Беллатрису, безумно смеющуюся в ядовитом свете Адского пламени.

— Гарри, нет... — прошептал Невилл, чьи родители когда-то навсегда сошли с ума от жестоких рук этой женщины. — Мы не можем просить её об этом.

— Мы не просим, — голос Гарри надломился, хрипом застряв в горле. Он почувствовал тошноту, подступающую к самому горлу. — Мы... разрешаем.

Гарри поднял голову и посмотрел на Люциуса. Каждое слово давалось ему с невероятным трудом, словно он глотал крупное битое стекло:

— Посылайте её. Немедленно.

Люциус удовлетворенно кивнул и коснулся палочкой своей Черной Метки.

— Белла будет в абсолютном восторге, Поттер. Вы наконец-то начинаете понимать истинную цену победы.

Когда Малфой вышел, Гарри обессиленно опустился на стул, обхватив голову руками. Он отчетливо понимал: в эту

секунду он не просто спас пять тысяч человек. Он отдал прямой приказ на совершение ужасающих зверств, которые будут сниться ему каждую ночь до конца жизни. Гриффиндорская честь только что была обменена на жизни детей, и эта сделка казалась Гарри самым страшным, необратимым поражением в его жизни.

6.

В глубоком подвале Отдела тайн, среди бесконечных стеллажей с мертвенно мерцающими пророчествами, Гермиона Грейнджер и Люциус Малфой склонились над широким дубовым столом. В самом центре, окруженный сияющим защитным куполом, лежал тяжелый жезл из черного дерева, покрытый пульсирующими красными рунами. Оружие казалось живым: оно издавало едва слышный низкий гул, похожий на зловещий скрежет зубов.

— Это не просто магический резонатор, — Люциус брезгливо коснулся края стола полированным кончиком своей трости. — Это своего рода синапс. Пока командир держит его в руках, его воля транслируется на тысячи орков. Они становятся единым, слепо повинующимся организмом. Если мы научимся блокировать это поле, орда в мгновение ока превратится в неуправляемое стадо трусов.

— Я знаю, Люциус, — Гермиона тыльной стороной ладони вытерла холодный пот со лба. Её глаза были воспаленными и красными от многих часов непрерывного изучения

древних манускриптов. — Но руны... они сложно зашифрованы. Это не просто мертвый древний язык, это магия крови и пепла. Ключ к расшифровке лежит в сознании того, кто этим жезлом владел.

Она кивнула в сторону далекого угла комнаты, где в массивной магической клетке сидел захваченный под Оксфордом командир — статный человек из племени Харадрим. Его глаза были затянуты мутной багровой пеленой, а сухие губы беспрестанно шептали проклятия на языке, от звуков которого у Гермियोны физически болели зубы.

— Мы перепробовали абсолютно всё, — в голосе Гермियोны слышалось глухое отчаяние. — Веритасерум просто испаряется в его горле, не успев подействовать. Моя Легилименция разбивается об его разум, точно о железную стену. Там... там стоит печать самого Саурана. Как только я пытаюсь проникнуть хоть немного глубже, его сознание начинает судорожно выгорать, защищая секреты.

Люциус медленно обошел стол, его тяжелая мантия бесшумно скользила по каменному полу.

— Вы пытаетесь вскрыть самый сложный замок хрупкой отмычкой, мисс Грейнджер, в то время как здесь нужна тяжелая кувалда, — он остановился и посмотрел на неё сверху вниз своим фирменным холодным взглядом. — Есть только один волшебник, чья воля способна пересилить влияние Ока и вырвать информацию до того, как разум пленника превратится в пепел.

Гермиона замерла. Она прекрасно знала, о ком он говорит.

— Нет, — прошептала она, отрицательно качнув головой.
— Гарри ясно сказал: допросы проводим строго мы. Мы не отдадим пленников Ему.

— Гарри Поттер сейчас на передовой в Ковентри, — мягко, почти вкрадчиво произнес Малфой, сделав полшага вперед. — Он занят спасением жизней. А время... время — это единственная валюта, которой у нас попросту нет. Через шесть часов этот «синапс» полностью синхронизируется с другими жезлами, и армия Мордора начнет полномасштабное наступление на Лондон.

Он сделал шаг к клетке, глядя на пленника с холодным, отстраненным любопытством:

— Мой Лорд не будет использовать зелья. Он не будет просить или договариваться. Он просто ворвется в его мозг, вскрыет каждый нерв и вытянет нужный нам шифр. Да, от этого несчастного останется лишь пустая, пускающая слюну оболочка, лишенная души. Но зато завтра ваши друзья-маглы не погибнут под стенами этого города.

— Вы предлагаете мне лично отдать человека на растерзание монстру! — вскрикнула Гермиона. Её руки судорожно дрожали. — Это... это нарушение абсолютно всех правил, Люциус! Если мы это сделаем, мы станем прямыми соучастниками его пыток!

— Вы уже соучастница с того самого момента, как подпи-

сали этот договор, — Люциус достал из кармана тяжелые золотые часы и щелкнул крышкой. — У вас ровно пять минут, мисс Грейнджер. Либо вы отдаете приказ о транспортировке пленника в поместье Малфоев, либо завтра утром вы будете составлять длинные списки погибших, в которых, вполне возможно, окажутся мистер Поттер и мистер Уизли.

Гермиона перевела взгляд на клетку. Пленник внезапно поднял голову и дико оскалится. В его помутневших глазах вспыхнул злобный багровый огонь, а изо рта потекла черная густая пена. Саурон смотрел на неё его глазами, откровенно насмехаясь над её нерешительностью и слабостью.

— Он не человек, — прохрипел пленник чужим, вибрирующим голосом, от которого содрогнулись стены подвала. — Он лишь сосуд... для Его воли. Вы все... сгорите.

Гермиона почувствовала, как липкий холод подбирается к самому сердцу. Она знала: если она согласится, часть её собственной души навсегда умрет вместе с разумом этого харадрима. Но если она откажется — прямо завтра погибнут тысячи невинных. И Гарри не было рядом, чтобы взять этот невыносимый груз на себя.

— Транспортируйте его, — голос Гермионы был едва слышен. Она с ужасом не узнавала свой собственный тон. — Скажите... вашему Лорду... чтобы он достал этот ключ. Любой ценой.

Люциус Малфой отвесил короткий, подчеркнуто церемонный поклон. В его глазах не было и капли сочувствия —

только холодное, расчетливое торжество.

— Мудрое решение, мисс Грейнджер. Гриффиндорская чистота — это прекрасная вещь, но она совершенно бесполезна в мире, где правит сталь и черная магия.

Когда клетку с пленником окутало ревущее черное пламя портала, Гермиона обессиленно опустилась прямо на каменный пол, закрыв лицо дрожащими руками. Она отчетливо понимала, что только что совершила нечто необратимое, и никакие умные книги в мире не могли научить её тому, как жить с этим дальше.

7.

Подземелья поместья Малфоев встретили пленника тишиной, которая была страшнее любого, даже самого исполненного агонии крика. Волан-де-Морт ждал. Он не сидел на тронном возвышении, а неподвижно стоял в самом центре ритуального круга, вычерченного на каменном полу прахом сожженных темных фолиантов. Когда харадрим, скованный магией Гермионы, материализовался в зале, Темный Лорд медленно, с плавностью змеи поднял Бужинную палочку.

— Грейнджер проявила редкое благоразумие, — прошептал он, и его шипящий голос отразился от сводов ледяным эхом. — Она отдала мне твоё тело, чтобы я забрал твой разум.

Пленник судорожно забился в путах, его рот наполнился черной желчью, а из разорванного горла вырвался хриплый

клекот на Черном наречии. Багровое свечение в его помутневших глазах вспыхнуло с новой, ослепительной силой — Саурон не собирался отдавать своего слугу без боя.

— *Легилименс!* — рявкнул Волан-де-Морт.

Удар был такой ужасающей силы, что факелы на стенах мгновенно погасли, погрузив подвал во полумрак. Темный Лорд не стал осторожно прощупывать слои памяти, он обрушился на сознание харадрина подобно тяжелому лезвию гильотины. Внутри он столкнулся не с человеческими мыслями, а с бездонной, огненной пропастью, в самом центре которой полыхало Око.

— Уходи, бледный червь! — прогремел голос в его голове, заставляя кровь закипеть в жилах. — Ты — лишь прах на ветру Барад-дура!

— Я — тот, кто приручил саму Смерть! — прошипел Волан-де-Морт, с яростью усиливая натиск. Его лицо исказилось, вены на безносом черепе вздулись черными нитями. — Ты прячешься за печатью, но печать питается его болью. А боли я могу дать столько, сколько твой жалкий мирок не видел за все свои эпохи!

— *Круцио!* — произнес он, не прерывая ментального контакта.

Крик харадрина был нечеловеческим. Заклятие, наложенное величайшим мастером темных искусств, начало расщеплять каждую жилку, всю нервную систему пленника. Печать Саурона дрогнула. Там, где воля Ока ослабевала под

натиском абсолютной агонии, Волан-де-Морт вонзал когти своего разума всё глубже.

Он видел: огненные горы, бесконечные подземные кузницы и, наконец, сложную структуру рун. Каждая руна была напрямую связана с ритмом биения сердца командира. Чтобы заблокировать жезл, нужно было изменить тональность этого ритма. Шифр заключался не в буквах, а в частоте человеческих страданий.

— Довольно... — захлебнулся пленник. Его глаза лопнули, из них потекла густая темная жидкость, но Волан-де-Морт не отпускал его. Он высасывал последние капли информации, пока разум харадрима окончательно не превратился в серый пепел.

Через час Люциус Малфой вошел в кабинет, где Гермиона Грейнджер, не находя себе места от терзаний, ждала известий. На столе перед ней лежал пергамент, на котором сами собой проступали светящиеся синим цветом символы.

— Ключ получен, — холодно произнес Люциус, кладя перед ней копию расшифровки. Его руки слегка дрожали — даже для него увиденное в подвалах было чересчур. — Связь будет разорвана через три часа. Ваши друзья в безопасности.

Гермиона смотрела на пергамент, и символы казались ей написанными свежей кровью.

— Пленник? — спросила она, боясь услышать ответ.

— Мой Лорд закончил с ним, — Люциус отвел взгляд. — Он жив. В том смысле, что его сердце еще бьется. Но там...

— он указал на голову, — больше ничего нет. Даже страха. Он просто кусок плоти, который скоро перестанет дышать.

Гермиона медленно взяла пергамент. Она знала, что этот листок спасет тысячи жизней завтра. Она знала, что Гарри и Рон вернутся домой благодаря этой попытке.

— Мы победим в этой битве, Люциус, — прошептала она, аккуратно складывая расшифровку. — Но я боюсь, что когда мы закончим, нам нечего будет праздновать.

— Праздники — для детей, мисс Грейнджер, — отозвался Малфой, поправляя трость. — Мы же с вами теперь взрослые люди. И у нас очень грязные руки.

7.

Гарри нашел её на самой крыше Министерства, когда над погруженным в тревожную дымку Лондоном уже забрезжил серый, морозный рассвет. Гермиона стояла у самого края каменного парапета, крепко прислонившись лбом к обледеленному камню. Её плечи мелко, судорожно дрожали, а в похолодевших руках она всё ещё сжимала тот самый пергамент с расшифровкой, присланный из поместья Малфоев.

Гарри подошел абсолютно бесшумно. Его походная мантия была сплошь в черной копоти, на левой щеке запеклась тонкая полоска крови после тяжелой ночной стычки под Ко-вентри, но взгляд зеленых глаз под очков оставался живым и глубоко тревожным.

— Кингсли сказал, что ты нашла решение, — негромко

произнес он, останавливаясь в паре шагов за её спиной. — Блокада полностью сработала. Орки в долине Темзы просто... остановились. Они начали грызть друг другу глотки, как только связь с их командиром оборвалась. Мы смогли их полностью рассеять почти без потерь.

Гермиона даже не обернулась. Её голос прозвучал глухо, надломленно, едва перекрывая свист ветра:

— Потери есть, Гарри. Просто они не в тех списках, которые ты ежедневно читаешь в Атриуме.

Она медленно повернулась к нему. Гарри вздрогнул: он никогда еще за все годы не видел у неё таких глаз — сухих, совершенно лишенных привычного блеска живой жажды знаний, полных какой-то древней, тяжелой, выжигающей изнутри усталости.

— Я лично отдала человека Волан-де-Морту, — прошептала она, и её пальцы еще сильнее впились в пергамент. — Люциус сказал, что я «проявила благоразумие». Знаешь, что это на самом деле значит, Гарри? Это значит, что я стала для них абсолютно понятной. Своей. Я своими руками позволила Ему сделать то, от чего нас воротило все эти годы.

— У тебя не было выбора, Гермиона, — Гарри шагнул ближе, пытаясь взять её за дрожащие руки, но она резко отстранилась.

— Выбор был! — взорвалась она, и в её погасших глазах наконец вспыхнули горькие слезы. — Был выбор остаться людьми! Но я просто испугалась. Я наяву представила тебя...

тебя и Рона, мертвыми лежащими на поле боя, потому что я не смогла «взломать» какой-то кусок черного дерева. И я выбрала вашу жизнь ценой того, что от того харадрима в подземельях Малфоев не осталось даже тени человеческой души!

Гарри молча смотрел на простирающийся внизу город. Там, в полумраке, магловские военные патрули перекликались с аврорами, готовясь к новому тяжелому дню войны.

— Мы все выбрали это, — сказал он, и в его голосе Гермiona вдруг слышалась новое, пугающее спокойствие. — Когда я разрешил Люциусу послать Беллатрису в Глен-Мор, я переступил ровно ту же черту. Я видел детальные отчеты, Гермiona. Беллатриса не просто остановила орков. Она... она украсила ими весь лес.

Гарри повернулся к ней, и теперь его знаменитый шрам белел на мертвенно-бледном лице, точно выжженное клеймо.

— Мы искренне думали, что наша война с Волан-де-Мортом была борьбой чистого добра со злом. Но Саурон... он наглядно показал нам, что добро может быть просто неэффективным. И теперь Волан-де-Морт смеется над нами. Он не победил нас своей магией — он победил нас логикой. Он заставил нас признать, что его жестокость — это единственное работающее средство.

Гермиона уронила пергамент, и ледяной ветер тут же подхватил его, унося в темную бездну между небоскребами.

— Что с нами будет, Гарри? — её голос окончательно со-

рвался на беспомощный всхлип. — Когда всё это кончится... если мы вообще выживем... как мы вернемся в Хогвартс? Как мы будем смотреть на первокурсников и говорить им о «чести» и «справедливости»?

Гарри подошел и на этот раз крепко, сильно обнял её. Гермиона уткнулась ему в плечо, и её рыдания наконец прорвались наружу — горькие, надрывные, смывающие последнюю маску «мудрой и сильной волшебницы».

— Не знаю, — прошептал Гарри, закрывая глаза. — Наверное, мы уже никогда туда не вернемся. Тот Хогвартс, который мы знали, сгорел в ту самую ночь, когда открылся этот портал. Мы теперь просто солдаты, Гермиона. И наша единственная задача — дожить до того дня, когда нам больше не придется принимать такие решения.

Над горизонтом медленно поднялось солнце — кроваво-красное, затянутое густым дымом горящих окраин, освещающая новый мир, который стал слишком темным даже для тех, кто носил свет в своих сердцах.

8.

Черный камень стен Отдела тайн, казалось, жадно впитывал свет, оставляя лишь тусклые, мертвенные блики на изрезанной поверхности дубового стола, заваленного свитками, старинными пергаменами и изрубленными фрагментами мордорских доспехов. В самом центре, надежно отделенный от остальной комнаты пульсирующим куполом *Протега*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.